

Юрий СТЕПАНОВ

Поэтика русского футуризма и В. Хлебникова

Виктор, или, как он сам себя называл, Велимир, Хлебников (1885–1922) — наиболее яркий теоретик русского кубофутуризма; во всяком случае, о поэтике футуризма нужно судит по ее наивысшему достижению — поэтике Хлебникова.

В области поэтического языка футуристы начали там, где кончили — или прервали? — символисты. На Западе прием «слов на свободе» Рембо был использован футуристом Маринетти, а в России Хлебников в начале своего творчества опирался на темы и тезисы Вяч. Иванова. Как вариации одной поэтической сюиты воспринимаются два произведения на одну и ту же, и не случайно, тему Азии — «Кочевники красоты» Иванова и поэма «Азы из узы» (1920) Хлебникова.

Ср. строки из последней:

О, Азия! Себя тобою мучу.
Как девы брови я постигаю тучу.
Как шею нежного здоровья —
Твой ночные вечеровья.
Где тот, кто день свободных ласк предрек?
О, если б волосами синих рек
Мне Азия обвила бы колени.
И дева прошептала бы таинственные пени
<...>
А ты бы грудой светлых денег
Мне на ноги рассыпала бы косы.
— Учитель, — ласково шепча, —
Не правда ли, сегодня
Мы будем сообща
Искать путей свободней?
(СС, 3, 286)

(Древнерусское аз — «я» у Хлебникова означает освобожденное я, осознающую себя личность, сбросившую узы рабства. Таким об-

разом, в слове *Азия* для Хлебникова шифруется *Аз* и *Я*. В наши дни это стало названием из местной книги, в которой ставятся близкие проблемы: Сулейманов О. *Аз и Я: Книга благонамеренного читателя*. Алма-Ата, 1975).

Уже первые четыре хлебниковские строчки говорят о принципиально новой поэтической установке — разрушении привычной сочетаемости слов, а следовательно, операции с синтактикой. Вяч. Иванов, принимая семантику языка как данное, стремился на ее основе совершить восхождение к сущностям, а Хлебников, разрушая данную семантику, стремится на основе синтактики создать новую семантику — своего собственного мира. Но это — не мир сущностей. Каков поэтический мир Хлебникова?

Благодаря серии работ он в настоящее время в основном понятен. Показано, что независимо от того или иного жанрового оформления — и к тому же жанры у Хлебникова смешиваются и взаимопроникают друг друга, — содержанием его поэзии в конечном счете оказывается эпическое состояние мира, чистая взаимосвязанность и взаимосотнесенность смыслов. Дуганов считает, что в целом к Хлебникову применима характеристика, которую дает Гегель раннефилософским поэмам античности:

Содержанием здесь является Единое, которое в противоположность всему становящемуся и ставшему, особенным и отдельным явлениям, есть нечто непреходящее и вечное. Ничто особенное уже не удовлетворяет дух, стремящийся к истине и представляющий ее мыслящему сознанию вначале в абстрактнейшем единстве и первородности.

В этом смысле поэтику Хлебникова можно назвать, так же как и поэтику символистов, «поэтикой имени».

Но по способам достижения цели (операции с текстом и языком) — это совершенно иная, синтактическая поэтика, общая у Хлебникова и остальных футуристов. Да и в целом русский футуризм возник как антагонист символизма. Исходя из той же, что и символисты, концепции «двух языков» — обыденного и поэтического, Хлебников шел дальше и в ином направлении. В статье «Наша основа» он писал:

Слово делится на чистое и бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Это потому, что какое-нибудь одно бытовое значение слова так же закрывает все остальные его значения, как днем исчезают все светила звездной ночи. Но для небоведа солнце — такая же пылинка, как и все остальные звезды. И это простой быт, это случай (случайность, как у символистов. — Ю. С.), что мы находимся именно около данного солнца. И солнце ничем не отличается от других звезд. Отделяясь от бытового языка, самовитое (т. е. поэтическое, по терминологии Хлебникова. — Ю. С.) слово так же отличается от бытового вращения солнца кругом земли. Самовитое

слово отрешается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки. Так слово «зиры» значит и звезды, и глаз; слово «зень» — и глаз, и землю. Но что общего между глазом и землей? Значит, это слово означает не человеческий глаз, не землю, населенную человеком, а что-то третье. И это третье потонуло в бытовом значении слова, одном из возможных, но самом близком к человеку... Можно сказать, что бытовой язык — тени великих законов чистого слова, упавшие на неровную поверхность.

(СС, 6, 168–169)

Интересно, что два языка — «чистое слово» и «бытовое слово» — Хлебников противопоставляет на философском основании, так же как противопоставляются «объективная видимость», или «кажимость» (которая может быть и иллюзией и ложью), и подлинная реальность: например, вращение солнца вокруг земли является «объективной видимостью», действительностью же — вращение земли вокруг солнца. А существующий язык представляется, с точки зрения Хлебникова, частным случаем возможного, а поэтому воображаемого языка, подобно тому как геометрия Евклида может рассматриваться в виде частного случая «воображаемой геометрии» Лобачевского: «И если живой и сущий в устах народных язык не может быть уподоблен доломерию Эвклида, то не может ли народ русский позволить себе роскошь, недоступную другим народам, создать язык — подобие доломерия Лобачевского, этой тени чужих миров?» (НП, 323).

Возможный язык в наиболее чистом виде воплощается в «языке понятий»:

...Кроме языка слов есть немой язык понятий из единиц ума (ткань понятий, управляющая первым). Так, слова *Италия*, *Таврида*, *Волынь* (земля волов), будучи разными словесными жизнями, суть одно и то же — рассудочная жизнь, бросающая тени на поверхности наречий и государств.

(СС, 6, 205)

Эта идея Хлебникова очень напоминает идею Лейбница о всеобщем языке понятий.

Кроме такого «всеобщего», или «звездного», языка, языка разума Хлебников, вместе со всеми футуристами, разрабатывал иную форму поэтического языка — язык «заумный», или «заумь». Истоки и примеры «зауми» футуристы видели в фольклоре, в различных заклинаниях и заговорах, в глоссолалии сектантов, в детских считалках. В «зауми» звук слова призван непосредственно выразить эмоцию. С помощью «зауми» Хлебников пытался, например, передать «язык птиц» (славка: *беботэу — вевать!; вьюрок: тьерти — едигреди!* и т. п.).

Но Хлебников размышлял и над соединением языка разума и «зауми» и представлял себе это в таком, например, виде:

Если взять одно слово, допустим, *чашка*, то мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать все слова с первым звуком *Ч* (*чаша, череп, чан, чулок* и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением *Ч*. Сравнивая эти слова на *Ч*, мы видим, что все они значат одно тело в оболочке другого; *Ч* — значит оболочка. И таким образом заумный язык перестает быть заумным. Он делается игрой на осознанной нами азбуке — новым искусством, у порога которого мы стоим.

(СС, 6, 174)

Так конкретизировались в опытах Хлебникова общие декларации и манифесты футуристов, как, например, их Предисловие к сборнику «Садок судей» (1914).

<...>

Может быть, уместно будет в заключение привести одно из стихотворений С. Кирсанова из «Поэмы Поэтов» (1939–1966), в котором ощущаются традиции футуризма:

Т е б е т а н ь е
Ты боярышня моярышня
мне щечечешь — я твоярышня
но сказала — ни за что
не рассказывать товарищам

убежала как змея
или ящерица
ты не ты и не моя
ты не настоящерица

ты щечечешь я тебечу
я земляк воробичу
птиц летящих нам навстречу
тебетанью обучу.

В качестве формального варианта синтаксических поэтик можно рассматривать теоретическую поэтику В. Я Проппа. В настоящее время приемы содержательных и формальных поэтик обычно совмещаются.

